

Евгений Витковский

Избранные переводы

Евгений Владимирович Витковский родился в Москве. Учился в 1967-1971 году на искусствоведческом отделении в МГУ. Все последующие годы – профессиональный литератор (поэт-переводчик и редактор). Переводил с английского (К. Смит, Р. Киплинг, Дж. Китс и др.), нидерландского (Я. Слауэрхор, Й. ван ден Вонел, А. Роланд Холст и др.), африкаанс (К. Луи Лейполдт, Н. П. ван Вейк Лоу, Э. Криге и др.), французского (А. Рембо, П. Валери), немецкого (в том числе, Р.М. Рильке, Г. Бенн), португальского (Л. де Камознс, М. Барбоза ду Бокаже, Ф. Пессоа), гэльского (Д. Б. Макинтайр, Й. Маклин) и других языков. В XXI веке почти всё своё время посвятил изучению, переводу и пропаганде в России шотландской поэзии, созданной на англо-шотландском и гэльском языках.

Составитель антологий «Семь веков французской поэзии» и «Семь веков английской поэзии» (1999 и 2007). Избранные переводы Витковского изданы двухтомным собранием «Вечный слушатель» (М., 2013). В 2003 году создал сайт «Век перевода». В 2005-2006, 2012 гг. издательством «Водолей» по материалам сайта изданы антологии русского поэтического перевода. Автор фантастических романов («Павел II», «Земля святого Витта», «Чертовар», «Протей, или византийский кризис», «Александрит, или держава номер шесть»). Посмертно, в сентябре 2020 г., под одной обложкой вышли последний завершённый роман «Реквием Крысиному королю, или Гибель богов» и незавершённый «Сказка про красного быка, или Хроники ленты Мёбиуса». Автор книги стихотворений «Сад Эрмитаж» (М.: «Престиж Бук», 2016) и книги «Град безначальный. 1500-2000 гг.: Эпический цикл» (М.: «Водолей», 2018).

Подготовил четырёхтомную антологию поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой», трёхтомное собрание сочинений Георгия Иванова, двухтомник Ивана Елагина, собрание сочинений Арсения Несмелова, антологию русского поэтического перевода XX в. «Строфы века - 2» (серия «Итоги века») и многое другое. Многократно выступал как составитель и комментатор изданий зарубежных поэтов – Леконта де Лиля, Бодлера, Рембо, Роллина, Уайльда, Бернса, Киплинга и других авторов.

Райнер Мария Рильке

Вечер

Одежды вечер медленно сменяет,
ложась на ветви сада бахромой;
ты смотришь, как миры на небе тают —
один вознесся, падает другой;

и ты покинут на земле знакомой,
навек не присягнувший никому:
ни сумраку умолкнувшего дома,
ни свету звёзд, поднявшихся во тьму, —

и нет дороги для тебя иной,
чем, осознав и очертив границы,
в большой и тесной жизни становиться
попеременно камнем и звездой.

Пантера

Её глаза усталые не в силах
смотреть, как прутья рассекают свет, —
кругом стена из прутьев опостылых,
за тысячами прутьев — мира нет.

Переступая мягко и упруго,
в пространстве узком мечется она —
танцует сила посредине круга,
в котором воля заморожена.

И лишь порой поднимется несмело
над глазом плёнка тонкая, тогда
внезапно тишина пронзает тело
и гаснет в сердце без следа.

* * *

Где тянется последний ряд лачуг
и новые недужные кварталы
в строительных лесах встают устало,
узнать мечтая, что такое луг, —

там никогда весна не молода,
в ознобе лето прячется за доски;
вишнёвые деревья и подростки
больны, — лишь осень дарит иногда

покоем, далью, — умиротворит,
и мягкий вечер тает на равнине:
темнеет стадо, и пастух в овчине
у фонаря последнего стоит.

Готфрид Бенн

Дни-первенцы

Дни-первенцы, осенние восходы
над морем, там, где холод голубой,
свет над богатством вызревшей природы,
всё старое заполнивший собой,
избыток далей, толп людских излишек,
далёкий рог и песня тростника,
мелодия среди ольховых шишек -
ты человечна, смертна и легка.

Дни-первенцы, осенние раздолья,
как жадно в детстве ждёшь такого дня,
дни Руфи, сбора колосков у всполья,
когда уже очищена стерня -
ах, да пойму ли, чем я нынче занят,
ах, что так властно явлено вблизи, -
и даже астры запахом дурманят
сквозь голубые планки жалюзи.

Предел, иль переходная преграда,
иль океан, иль боги этих дней:
на чреслах - розы, гроздья винограда;
возврат древнейшей из земных теней.
Дни-первенцы, к осеннему простору
и к старому - низводят благодать,
плоды падут, восстанут тени: в пору
всё то, что есть, грядущему отдать.

Прощание

Я полн тобою, словно кровью рана,
ты, прибывая, бьёшь через края,
как полночь, ты становишься пространна,
луга дневные тьмою напя,
ты – тяжкое цветенье розы каждой,
ты – старости осадок и отстой,
ты – пресыщенье утолённой жаждой,
что слишком долго пробыла мечтой.

Решив, что мир – клубок причуды вздорной,
что он не твой, а значит, и ничей,
не в силах слиться с жизнью иллюзорной,
с неумолимой властью мелочей,
глядишь в себя, туда, где мгла слепая,
где гаснет всякий знак, любой вопрос –
и молча ты решаешься, вступая
в тоску, и в ночь, и в запах поздних роз.

Не можешь вспомнить – было так иль эдак,
что памятно? что встречено впервой?
Взялись откуда – спросишь напоследок –
твои слова и ответ горний твой?
Мои слова, моя былая участь,
мои слова – да, всё пошло на слом, –
кто это пережил – живи, не мучась,
и более не думай о былом.

Последний день: края небес в пожарах,
бежит вода, всё дальше цель твоя,

высокий свет сквозит в деревьях старых,
лишь самого себя в тенях двоя;
плоды, колосья – всё отныне мнимо,
ничто уже не важно в этот час;
лишь свет струится и живёт – помимо
воспоминаний, – вот и весь рассказ.

Tristesse

Не только над лугами асфоделей
блуждают тени прошлого: взгляни –
на грани сна и яви, у постели,
порою появляются они.

Так что такое плоть? Шипы и розы.
Так что такое грудь? Атлас, парча.
Как ослабела власть метаморфозы,
воспламенявшей бедра и плеча!

Былое: слишком ранние подруги.
Еще былое: память старика.
Вернется все, как водится, на круги,
любовного не слушай шепотка.

И вот – ноябрь; печальная погода,
отшельничество боли и судьбы,
лишь холод неба, лишь печаль ухода,
лишь кипарисов черные столбы.

Теодор Крамер

Контуженный

Тот самый день, в который был контужен,
настал в десятый раз; позвать врача –
но таковой давно уже не нужен,
навек остались дёргаться плеча.

Сходил в трактир с кувшином – и довольно,
чтоб на часок угомонить хандру:
хлебнёшь немного – и вдыхать не больно
сырой осенний воздух ввечеру.

По окончаньи сумерек, однако,
он пробирался в опустевший сад,
и рыл окопы под защитой мрака
совсем как много лет тому назад:
всё – как в натуре, ну, размеров кроме,
зато без отступлений в остальном,
и забывал лопату в чернозёме,
что пахнул чёрным хлебом и вином.

Когда луна уже светила саду –
за долг священный он считал залечь
с винтовкою за бастион, в засаду,
где судорога не сводила плеч;
там он внимал далеким отголоскам,
потом – надоедала вдруг игра,
он бил винтовкой по загнившим доскам,
бросал её и плакал до утра.

Поздняя песнь

Тропки осенние в росах,
клонится год к забытью,
глажу иззубренный посох,
позднюю песню пою;
знаю, что всеми покинут,
так что в собратья беру
угли, которые стынут,
и дерева на ветру.

Сорваны все оболочки,
горьких утрат не сочту;
там, где кончаются строчки,
вижу одну пустоту.

Ибо истают и сгинут –
лишь доиграю игру –
угли, которые стынут,
и дерева на ветру.

Родиной сброшен со счета,
в чуждом забытый краю,
всё же пою для чего-то,
всё же кому-то пою:
знаю, меня не отринут,
знаю, послужат добру
угли, которые стынут,
и дерева на ветру.

Ян Якоб Слауэрхоф

Осень

Клонятся стебли, тепло подходит к концу,
И лепестками вода усыпана сплошь.
Оттенки дробя, проходит по озерцу
Дрожь.

С берега сосны смотрят в глубины вод,
Не узнавая себя в повторенье своем,
Нацеленном прямо в отражающийся небосвод,
Несмотря на туман, которым полн окоем.

Мужество наше державе не нужно пока,
Ибо известно, что отступили враги.
Тот, кто живет на острове средь озерка,
Должен задуматься, должен утишить шаги.

Надо ли сердцу не знать отныне надежд?
Свидеться нам суждено ли еще хоть раз?
Наша кожа укрыта тяжелым мехом одежд.
Холод в лесу, и вечная осень в нас.

Невольники

Южнокитайский воздух полон стона:
Напев разгрузки фрахта так знаком
Всем кули, от Шанхая до Кантона;
По трапу – в такт, кто с бочкой, кто с мешком.

Нещаден стук надсмотрщицеской трости,
Однако наступает вместе с ним
Миг отвлеченья от стыда и злости,
И труд уже не столь невыносим.

Они живут и спят на джонках грязных,
Едят глотком – не важно что, когда.

А чайные полны поэтов праздных –
Им тоже ритм нужнее, чем еда.

«Смотри на звезды восхищенным взглядом!
Всё, что живет, благодарит богов!»
О нет, не всё; а подтвержденье – рядом,
От чайной до причала – сто шагов.

«Но кули спят, им ни к чему уловки,
А что поэт? Покорен ли судьбе?»
Нет, не сильнее, чем висельник – веревки,
Поэты жаждут милости к себе.

И тот, кто приглядится из вселенной,
Увидит, что в трудах различья нет:
Из трюма груз выносит раб согбенный,
Из тишины выносит звук – поэт.

Для них в одном спасенье и порука:
Да будет ровен такт и верен счет, –
Ведь рухнет кули, не услышав стука,
Утратив ритм, поэт с ума сойдет.

Однако сном ли, нищим ли обедом,
Но всё же обрываем труд раба, –
И лишь поэту перерыв неведом:
Всечасна мука, такова судьба.

Вовек не знает он труда иного,
Беснуется в объятых немоты,
Но тяжко тащит в жизнь за словом слово:
Единый ритм – до гробовой плиты.

Уильям Батлер Йейтс

Колесо

Зимою жаждем мы весны,
И лета ждем весною ранней.
Когда сады плодов полны –
Опять зима всего желанней.
Придет зима, но в тот же час
Возжаждем мы весенней воли,
Не зная, что в крови у нас
Тоска по смерти, и не боле.

Фернандо Пессоа

* * *

Старая песня в соседней таверне:
Скольким похожим внимал на веку.
Слушаю, в сумрак уставясь вечерний,
И без причины впадаю в тоску.

Пусть я не знал этой песенки старой,
Это не важно, не важно ничуть.
До крови ранено сердце гитарой,
Кончились слёзы – а то бы всплакнуть.

Вызвана кем и явилась откуда
Эта печаль, не моя и ничья?
Всем на земле одинаково худо,
Прошлое – вечная боль бытия.

Жизнь завершается, скоро – в потемки.
Грустная песня, печальная весть.
Есть лишь мотив, незнакомый, негромкий.
Есть только то, что пока ещё есть.